

Продолжение.

Начало в "PM" №4249.

«В Америку или Грецию»

Мысль, что Жуковский все еще не понимает, куда клонит Пушкин, не соответствует истине. В начале августа Жуковский получил письмо от своей племянницы Александры Воейковой. «Милый друг! — пишет она. — Плетнев поручил мне отдать тебе это и сказать, что он думает, что Пушкин хочет иметь 15 тысяч, чтоб иметь способы бежать с ними в Америку или Грецию. Следственно не надо их доставлять ему. Он просит тебя, как Единственного человека, который может на него иметь влияние, написать к Пушкину и доказать ему, что не нужно терять верные 40 тысяч — с терпением».

Как Воейкова оказалась в курсе намерений поэта? Незадолго до этого Лев Сергеевич собственноручно вписывал ей в альбом стихи брата и вполне мог сообщить интригующие сведения, разумеется, под клятву молчать.

19 июля 1825 года, как записала в календаре Осипова, она сама, ее дочери и Анна Керн отправились в Ригу. Поехали, естественно, через Дерпт, где Керн жила раньше и где ее лучшим другом был хирург Мойер. В Риге ее ждал муж, комендант города. «Достойнейший человек этот г-н Керн, почтенный, разумный и т.д.; у него только один недостаток — то, что он ваш муж». Не туда ли, на берег Балтики, поэт стремится, продолжая флирт в письмах? Письмо Анне кокетливо: «Покинуть родину? Удаться? жениться? Все это очень хлопотливо и не привлекает меня».

Неправда, привлекает! Именно в это время и поэтому привлекает Рига. От Михайловского до Риги сейчас 399 километров. Тогда можно было добраться за два, самое большее за три дня. Оттуда в Европу уплыть морем. В Риге у Осиповых-Вульффов была родня. В каком-то плане это была бы попытка повторить одесский вариант: договориться поехать на судно тайком. Но у Керн там муж. Пушкин давно уговаривает бросить его — всерьез ли? Поэт рвется к ней, объясняя, что у него «ненависть к преградам, сильно развитый орган полета...».

Пушкин рассчитывает на хлопоты

Юрий Дружников

Пушкин:
через Ригу в Европу

Осиповой и Керн в Риге у лиц, связанных с губернатором — маркизом Пауллуччи. Помочь мог и генерал Керн. Найдут влиятельного, а главное, «своего» доктора, готового на компромисс, и удастся обойтись без честного Мойера. Такого доктора они действительно нашли.

Перед отъездом Вульфа из Тригорского в Дерпт в конце июля они с Пушкиным проговорили четыре часа подряд, обсуждая варианты выезда. Бессильная обида у Пушкина долго не проходит, но брезжит слабая надежда: вдруг передоложат Его Величеству, и тот разрешит отправиться «рассеяться». Пушкин пишет Осиповой в Ригу, что принятое решение насчет Пскова, возможно, недоразумение, но опасается монаршего раздражения: «Друзья мои так обо мне хлопочут, что в конце концов меня посадят в Шлиссельбургскую крепость...» Он просит Осипову ничего не сообщать его матери, «потому что решение мое неизменно». Несообразительность друзей бесила, ибо только дружба и была его опорой в этом мире. Нюанс, который вносил дополнительную сложность в ситуацию, состоял в том, что с Осиповой у Пушкина тоже была не абстрактная дружба. Она его ревновала к Керн и, с другой стороны, противилась его отъезду в Америку, о чем писала Жуковскому. В тот день Пушкин сообщает Осиповой в Ригу: «Мои петербургские друзья были уверены, что я поеду вместе с вами». А через три дня в отчаянии брату: «...мне деньги нужны или удавиться. Ты знал это, ты обещал мне капитал прежде году — а я на тебя полагаюсь». В Ригу отправляется письмо за письмом.

То, что происходило с поэтом, находило отражение не только в его деловой переписке, но всегда так или иначе перетекало в его творчество, становилось мыслями и поступками его героев.

Про себя
в «Борисе Годунове»

В июле, между требованием ехать во Псков и отъездом Вульфа, Пушкин сочиняет сцену «Корчма на Литовской границе», которой не было в первоначальном замысле «Бориса Годунова». Пушкин тщательно описывает эпизод, как Гришка Отрепьев бежит из России и пытается нелегально перебраться через границу. Отрепьев предполагает, что за ним идет погоня. Прочитаем знакомый школьных лет текст пристрасно, увязывая его с мыслями мечтавшего ударить Пушкина.

Мисаил. Что ж закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добратся.

Григорий. Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам. Что тебе Литва так сплюбилась?.. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино...

Поглядим, как дальше развиваются диалоги в корчме. Любопытно, что никого из биографов Пушкина, упоминавших о намерении поэта бежать из Михайловского, связь с темой этой в «Борисе Годунове» не заинтересовала.

Григорий (хозяйке). Куда ведет эта дорога?

Хозяйка. В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий. А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка. Недалече, к вечеру можно бы туда послать, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий. Как, заставы! что это значит?

Хозяйка. Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий (про себя). Вот тебе, ба-

бушка, и Юрьев день... Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы? Хозяйка. А Господь его ведает, вор ли разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода нет (sic! — Ю.Д.) — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога!

Хозяйка корчмы успокаивает беглеца со знанием дела. «Вот хоть отсюда свороти влево, — советует она, — да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор».

Самозванец не только благополучно удирает за границу на глазах у приставов, но и впоследствии возвращается. И по воле Пушкина, который озабочен проблемой побега, мы с удивлением читаем в «Борисе Годунове» подробности перехода границы, весьма интересные, но имеющие косвенное отношение к сути исторической пьесы.

Пушкин любил и мог ходить пешком. С дворовыми собаками он ходил из Михайловского в Тригорское и обратно. Пройтись тридцать верст от Петербурга до Царского села ему было нипочем. Нередко и в дальних разъездах он от станции до станции проходил пешком, отправив вперед лошадей. Перейти границу лесами в том месте, где она охранялась плохо и лениво, было вполне реально, хотя и весьма рискованно.

Вульф обещал действовать, и Пушкин, дождавшись его возвращения из Риги в Дерпт к началу занятий, напоминает ему, что ждет информации о том, удалось ли уговорить Мойера не ехать, но помочь Пушкину другим способом, выписав больного к себе. Пушкин всеми силами оттягивает свою по-

ездку во Псков. «Я не успел благодарить Вас за дружеское старание о проклятых моих сочинениях, — пишет он Вульфу. — Черт с ними, и с Цензором, и с наборщиком, и с tutti quanti — дело теперь не о том. Друзья и родители вечно со мной проказят. Теперь послали мою коляску к Мойеру с тем, чтоб он в ней ко мне приехал и опять уехал и опять приспал назад эту бедную коляску. Вразумите его. Дайте ему от меня честное слово, что я не хочу этой операции, хотя бы и очень рад был с ним познакомиться. А об коляске, сделайте милость, напишите мне два слова, что она? где она? etc.»

Задание конкретное: не надо хирурга, а пора бежать.

«Черт ли в эдакой жизни?»

В связи с планами побега через Дерпт мы не выяснили роль еще одного приятеля Пушкина — Николая Языкова. Пушкин, еще будучи в Одессе, относился к молодому поэту (Языков был на четыре года моложе) с симпатией. Появившись в Михайловском и сойдясь с Вульфом, Пушкин хочет поближе свести дружбу и с Языковым. Он отправляет ему в Дерпт стихотворное послание, сам и через семейство Осиповых зазывает к себе.

Языков жил в Дерпте у профессора Борга, который переводил на немецкий русских поэтов. У Борга были обширные литературные связи в Европе. Частым гостем стал Языков и в доме Мойера. Здесь он влюбился в очаровательную младшую сестру его жены Александру Воейкову, ту самую, которая сообщила Жуковскому, что Пушкин собирается бежать в Америку. Взгляды Воейковой можно, пожалуй, объяснить тем, что она была женой редактора «Русского инвалида» А.Воейкова, человека болезненной патристичности. Вдобавок к тому, что Воейкова была женой другого, Языков оказался до крайности стеснителем.

Несмотря на приглашения, Языков долго не приезжал в Тригорское и Михайловское, не желая принимать участия в гульбищах, а возможно, и опасаясь, как бы общение с опальным поэтом не повредило его собственной репутации. Пушкин зовет Языкова приехать, а тот пишет брату: «Ведь с ними вязаться, лишь грех один, суета».

Сам Языков в это время тоже мечтает поехать за границу, пишет о Женевском озере:

*Туда, сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надежд и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.*

Но понять то же стремление в Пушкине Языков оказался неспособен. «Вот тебе анекдот про Пушкина, — пишет Языков брату 9 августа 1825 года. — Ты, верно, слышал, что он болен аневризмом; его не пускают лечиться дальше Пскова, почему Жуковский и просил здешнего известного оператора Мойера туда к нему съездить и сделать операцию; Мойер, разумеется, согласился и собрался уже в дорогу, как вдруг получил письмо от Пушкина, в котором сей просит его не приезжать и не беспокоиться о его здоровье. Письмо написано очень учтиво и сверкает блесками самолюбия. Я не понимаю этого поступка Пушкина! Впрочем, едва ли можно объяснить его правилами здравого разума!» Накануне отъезда Пушкина из Михайловского (по совпадению) он напишет брату: «У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай Бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась!» Пушкин считает Языкова близким по союзу поэтов, а Языков, тремя годами позже провожая приятеля в Германию, советует собрать там сокровища веков

*И посвятить их православно
Богам родимых берегов!*

Он и сам решил спрятаться в имени на Волге и, как он выразился, посвятить себя патриотизму. Заболев, Языков поехал лечиться за границу, но там ему не понравилось, и он вернулся на Волгу.

Дейвис (Калифорния)

Продолжение следует.